

ЖАК-ФРАНЦУЗ

В ПАМЯТЬ О ГУЛАГЕ

ЖАК РОССИ МИШЕЛЬ САРД

Жак Росси
Мишель Сард
Жак-француз. В
память о ГУЛАГе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42335663

Жак-француз. В память о ГУЛАГе: Новое литературное обозрение;

Москва; 2019

ISBN 978-5-4448-1065-1

Аннотация

Жак-француз – так называли друзья-зэки Жака Росси (1909–2004). Лингвист, полиглот, художник, убежденный коммунист, тайный агент Коминтерна, заключенный, отсидевший в сталинских тюрьмах и лагерях двадцать лет, он приобрел известность как автор ценнейшего исследования, «Справочника по ГУЛАГу», который задумывал за Полярным кругом, на лесоповале и «стройках коммунизма», ухитряясь с риском для жизни припрятывать собранные материалы, записанные на клочках оберточной бумаги. Вернувшись во Францию в 1964 году, он считает своим долгом свидетельствовать о том, что сам видел и испытал, неустанно разоблачает коммунистическую идею. В соавторстве с писательницей Мишель Сард он рассказал в этой книге о своих заблуждениях, о том, какой ценой за

них заплатил, поделился наблюдениями, то трагическими, то смешными, и размышлениями о том, что завело миллионы людей в тупик пагубной утопии.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Жак-француз	12
Встреча	13
Часть первая	23
1. Больше никогда	23
2. Установленный порядок	37
3. Судьба мирового пролетариата важнее вашей карьеры!	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Жак Росси, Мишель Сард

Жак-француз. В память о ГУЛАГе

© Le Cherche Midi, 2002

© G. Alexopoulos, предисловие, 2019

© M. Sarde, послесл., 2017

© Е.В. Баевская, пер. с франц., англ., 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

Перевод выполнен по изданию: Jacques le Français: pour
mémoire du Goulag par Jacques Rossi et Michèle Sarde. Paris:
Le Cherche Midi, 2002

* * *

Предисловие к русскому изданию

Бывший лагерник Жак Росси известен прежде всего как автор «Справочника по ГУЛАГу», тщательно подготовленной и исчерпывающей энциклопедии терминов и понятий советской лагерной системы. Именно Жак одним из первых привлек внимание общественности к языку мест заключения, живому сленгу преступников-рецидивистов и оруэлловскому новоязу лагерных бюрократов. Сын поляка и француженки, воспитанный в Польше, он потянулся к коммунизму, в котором обрел символ веры и программу радикальных социальных реформ; в молодости несколько лет работал тайным агентом Коминтерна в Европе, приближая – как ему казалось – всемирную революцию. Жак был, по его собственному определению, простодушным молодым идеалистом. Подобно многим иностранным коммунистам, которые вели подпольную работу в Европе в пользу Москвы, он был арестован сталинскими органами госбезопасности во время Большого террора конца тридцатых годов. Затем провел ровным счетом двадцать лет под следствием, в тюрьмах и трудовых исправительных лагерях, где стал одним из наиболее проникательных наблюдателей советской пенитенциарной системы. После смерти Сталина, последовавшей в 1953 году, Жака, как многих других политических заключенных, выпустили из ГУЛАГа. Сложности с гражданством очень

затруднили его освобождение, а потом ему пришлось много лет прожить в весьма суровых условиях, как жили бывшие заключенные в Советском Союзе при Никите Хрущеве. Часть этого времени он прожил в Самарканде; его впечатления от жизни в Средней Азии изложены выразительно и ярко.

Вся книга – захватывающий диалог между Жаком-французом, как называли его друзья-лагерники, и Мишель Сард, писательницей и профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне (округ Колумбия). Профессор Сард записала серию разговоров с Жаком Росси совсем незадолго до его кончины. В книге много важных да и просто увлекательных подробностей. Жизнь Жака Росси (1909–2004) распространяется чуть не на весь двадцатый век; в ней отразилась бурная история Европы этого времени. Читатель узнает и о том, насколько притягательным оказался коммунизм для интеллектуалов и молодежи в период между двумя мировыми войнами (а также и до, и после), и о том, как действовало коммунистическое подполье в Европе перед Второй мировой войной, и об отношениях между сталинской коммунистической партией и европейскими коммунистами; перед ним приоткрывается социология ГУЛАГа, жизнь и смерть в советских трудовых лагерях и тягостный процесс освобождения из этих лагерей во время хрущевской оттепели. Поразительное впечатление производят те страницы книги, на которых говорится о жизни Жака Росси после выхода на сво-

боду: мы узнаём о правах и обязанностях бывших заключенных и об их мучительной реинтеграции в советское общество. Жизнь Жака после лагеря свидетельствует о том, до какой степени несвободен оставался бывший заключенный после выхода на свободу, особенно иностранец, каким был Жак, не имевший корней в Советском Союзе. А рассуждения Жака Росси об эволюции его собственных политических убеждений, его меняющиеся взгляды на коммунизм и капитализм, его разочарование в европейских социалистах, – всё это представляет исключительный интерес как интеллектуальная и социальная история эпохи. Таким образом, данная книга – еще и углубленное исследование утопической и радикальной политики; она дает ясное представление о том, в чем состоит притягательность подобных общественных движений и в прошлом, и в наши дни.

Во многих отношениях эта книга – воспоминания о ГУЛАГе. Жизнь в исправительно-трудовом (а по сути, концентрационном) лагере изменила взгляды Жака на коммунизм и капитализм, и его наблюдения над этой жизнью представляют огромную ценность. Он поведал поразительные истории о верности, предательстве и человеческих отношениях в среде заключенных. По убеждению Жака, лагерные охранники в большинстве не были завзятыми садистами: они просто исполняли приказы, и в повседневной жестокости он видит не столько обитателей лагерей, сколько систему принудительного рабского труда.

Однако бо́льшая часть текста посвящена жизни Жака Росси до и после ГУЛАГа. В этом плане книга напоминает воспоминания Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», представляющие собой правдивый и достоверный рассказ о жизни этой женщины, сначала убежденной коммунистки, затем эчки-«контрреволюционерки», узницы ГУЛАГа, и впоследствии, после смерти Сталина, бывшей лагерницы в СССР. Но своеобразие и значительность книги, написанной Жаком Росси, состоят в том, что в отличие от Евгении Гинзбург и многих других, поведавших о своем лагерном опыте, Росси не был советским гражданином. Это захватывающий и совершенно исключительный рассказ европейского коммуниста о том, как он приобщился к левому движению, вел подпольную работу, стал тайным агентом, был арестован, угодил в советский лагерь, а затем преодолел бесчисленные трудности, вплоть до голодовки, чтобы добиться репатриации. Его окончательное возвращение во Францию через коммунистическую Польшу – история увлекательная и необычная. Читатель найдет в этой книге блестящий и трогательный самоанализ, объясняющий эволюцию убежденного коммуниста: здесь и вдумчивое описание юношеского идеализма да и попросту глупости, и постепенное разочарование, стыд и чувство вины, годами обременявшее его совесть. Жизнь Жака Росси сформировали наиболее значительные события двадцатого века, и смысл этой книги в том, что она представляет собой не просто рассказ о жизни одного человека, но

и транснациональное исследование сталинизма и его наследия.

Мишель Сард впервые встретила с Жаком Росси в Джорджтаунском университете в ноябре 1982 года, когда ему было семьдесят три года; в предисловии она ярко описывает их встречу. 1980 год Жак прожил в Соединенных Штатах, где познакомился с иезуитом отцом Брэдли, деканом Джорджтаунского колледжа, и тот пригласил его в Джорджтаунский университет для работы над «Справочником по ГУЛАГу». Он прибыл в университет в 1982 году и получил исследовательскую стипендию для окончания своего выдающегося труда. В мае 1985 года он уехал из Штатов во Францию. Спустя четырнадцать лет Мишель Сард и Жак Росси приступили к совместной работе над настоящей книгой. Этот эпизод его жизни, как и многие другие, описан в ней.

Зная всё это, мы поймем, почему в 2012 году в Джорджтаунском университете была учреждена программа исследований ГУЛАГа и программа эта носит имя Жака Росси. С тех пор Мемориальный фонд углубленных исследований ГУЛАГа, основанный Элизабет Салина Аморини, швейцарской благотворительницей, поддерживает исследования основных источников, связанных с этой темой. В апреле 2013 года Фонд Жака Росси провел в Джорджтауне международную конференцию «Советский ГУЛАГ: новые исследования и новые интерпретации», собравшую ведущих исследователей принудительно-трудовых лагерей со всего мира, вклю-

чая, разумеется, и Российскую Федерацию. В 2016 году в издательстве «Pittsburgh University Press» был опубликован сборник по итогам конференции «Советский ГУЛАГ: свидетельства, интерпретация и сопоставление». В нем содержится много ссылок на «Справочник по ГУЛАГу» Жака Росси. В заключение упомянем, что настоящий перевод также осуществлен благодаря поддержке Элизабет Салина Аморины и Мемориального фонда исследований ГУЛАГа имени Жака Росси.

Гольфо Алексопулос, историк (Университет Южной Флориды)

Жак-француз

В память о ГУЛАГе

Регине, Мари-Сесиль, Софи и Веронике

Если бы мне пришлось подводить итог XX веку, я бы сказал, что он породил величайшие надежды, какие когда-либо питало человечество, и разрушил все иллюзии и все идеалы.

Иегуди Менухин

В самом мрачном столетии не все сплошь темно. Найдутся отдельные люди, которые послужат нам проводниками в путешествии сквозь стихию зла.

Цветан Тодоров

Встреча

Случаются иногда в жизни неожиданные встречи... Этот учтивый, почти церемонный человек... прожил жизнь, трагизм которой превышает наше воображение.

Ален Безансон

В дверь негромко, но уверенно постучали. Дело было осенью 1982 года в Джорджтаунском университете, в столице Соединенных Штатов. Помню, время шло к вечеру, потому что я уже зажгла настольную лампу. Кончался день, переполненный занятиями, совещаниями, комиссиями, приходили на консультации студенты. Мне уже не терпелось уйти домой.

В дверях стоял неожиданный посетитель – хрупкая фигура, угловатые черты лица, пронзительные черные глаза; представился по-французски, со всей старинной куртуазностью. Ему очень неловко меня беспокоить; он только хотел бы спросить, по совету Аурелии Роман, моей сотрудницы-румынки, нельзя ли ему поработать у нас на французском отделении.

В то время Жаку было семьдесят три. Он был одет в серое – серые брюки, серая куртка, ничего общего с тем, как одевались взрослые люди у нас в университете; позже я убедилась, что он всегда так ходил. Я привычно попыталась

увильнуть: кафедрой не заведу, работу не распределяю, хотя могу, конечно, порекомендовать кандидата. Но для этого мне нужно знать, какова его... «квалификация». Квалификация! Неужели я вправду произнесла это слово – или мне только кажется, спустя почти двадцать лет, что оно у меня вырвалось?

Жак Росси не улыбнулся, а ведь позже я узнаю, с какой иронией относится он к себе самому и ко всему свету.

Мы всё еще стояли в дверях; он протянул мне свой *curriculum vitae*, три машинописные странички на английском языке. Я отступила поближе к лампе, он шагнул в кабинет. Я заглянула в документ самым что ни на есть «бюрократическим» взглядом, чтобы сразу выделить и ухватить самое важное, то есть самое полезное. В глаза мне бросилась строка в рубрике «Образование»: «Наука выживания, архипелаг ГУЛАГ, 1937–1957»¹; две предыдущие строки свидетельствовали о другом типе образования: диплом по изобразительному искусству, Берлин, Академия на Гарденберг-плац и Школа изобразительных искусств, Париж, 1929–1934, а также диплом по восточным цивилизациям (история и язык Китая и Индии) из Сорбонны и Школы восточных языков, Париж, 1929–1936.

Я сохранила этот куррикулум; он лежит передо мной теперь, когда я пишу эти строки. Вначале Жак обозначил свою цель; цитирую в точном переводе с английского: «Ищу воз-

¹ В тексте: Survival studies, the Gulag Archipelago, 1937–1957.

возможности продлить свое пребывание в Соединенных Штатах в качестве временного сотрудника высшего учебного заведения, что позволило бы мне зарабатывать на жизнь преподаванием и лекциями о том, что мне известно из первых рук. Хочу также воспользоваться этим временем, чтобы подготовить публикацию научного труда, посвященного советским трудовым лагерям, с которыми знаком по собственному опыту».

Жак Росси родился в 1909 году и двадцать лет провел в ГУЛАГе. ГУЛАГ был его школой, его университетом, его опытом, его карьерой и одновременно – объектом его исследований. Так он обозначил ГУЛАГ в своем куррикулуме, такое место отвел ему в своей жизни.

Потрясенная, я опустилась на стул, предназначенный для студентов и посетителей, и кивнула ему на второй стул. В тот вечер мы мало говорили о курсах французского языка и об иезуитах Джорджтаунского университета, которые предоставили ему возможность заниматься в университетской библиотеке, чтобы он мог завершить свой «Справочник по ГУЛАГу», исследование, основанное на личном опыте. Зато мы сразу заговорили о ГУЛАГе и уже не изменяли этой теме. Ах, как неподражаемо Жак говорил об этом, с каким блеском и с каким смирением, с какой трезвостью и с каким язвительным черным юмором!

В тот вечер мне начал приоткрываться один из секретов его жизни. Нет, Жак не считал себя невинной жертвой. Ему,

истовому коммунисту, коминтерновцу, бросившемуся из всех сил участвовать в разрушении мира капитализма, повезло: в ГУЛАГе он обрел школу правды. Да, погоня за химерой дорого ему обошлась, но цена была справедливая. Он был чуть ли не благодарен судьбе за эту науку.

Не скажу, что я сразу поняла эту идею, на которой Жак так настаивал. Сперва я смотрела на него как на жертву, как на человека, пережившего концлагерь, чудом избежавшего гибели. Я ведь и сама внучка депортированных и тему лагерей воспринимаю обостренно. Годами, пока мы пытались хоть что-нибудь узнать об их судьбе, и даже потом, когда взрослые уже знали, что надежды больше нет, я ждала, что дедушка и бабушка вернутся из нацистских лагерей, и верила, что однажды они постучатся в дверь нашей квартиры, как постучался Жак Росси в дверь моего кабинета.

Между нами сразу возникла симпатия, родилось доверие, мы стали друзьями с первой секунды, даже прежде чем я как следует изучила его куррикулум, из которого стало ясно, что этот человек, одновременно такой хрупкий и такой сильный, заглянул в лицо Горгоне и уцелел.

Но дружба не мешает работе воображения. О нем уже начинали говорить, он становился известным, и годами я страстно слушала его рассказы и перетолковывала их на свой лад, создавая для себя легенду о Жаке Росси. В этой легенде, которую наша книга позволит развеять, Жак был отпрыском дворянской семьи; его мать-француженка вышла замуж

за польского аристократа, которого Жак называл отчимом. Жак оказался в изгнании в Польше, обожаемая мать умерла, когда сыну было всего лет десять, и мальчик, наблюдая классовые отношения на примере имений и предприятий отчима, с которым у него были очень далекие отношения, обнаружил, что в мире царит социальная несправедливость. В шестнадцать лет он вступает в нелегальную польскую коммунистическую партию; очень скоро его арестуют, несколько месяцев он проводит в заключении. Выйдя из тюрьмы, становится связным Коминтерна. Во время войны в Испании молодой Росси выполняет задание в рядах испанских республиканцев; его отзывают в Москву и арестовывают по приказу товарища Сталина. Когда его отправили в ГУЛАГ, ему было 28 лет или около того. Он вышел из лагеря двадцать лет спустя, после смерти Сталина.

Такой образ Жака Росси сложился у меня в те времена, когда я уже была с ним знакома, но не знала его жизни; этот поверхностный образ уточнился спустя четырнадцать лет, в 1999 году, когда мы с ним записали его свидетельство. Мы вновь были в Вашингтоне, цвели азалии. Жаку было уже девяносто; известный автор, он вернулся туда, где завершал свое исследование и страстно надеялся на его публикацию. Я понимала, что Жак привык возвращаться на старые места: свободным человеком он радостно вернулся в Норильск, расположенный за Полярным кругом, через сорок лет после долгого заключения в этом сибирском городе, построенном

эками, такими же арестантами, как он сам. Возвращение на старые места. Этими словами можно обозначить и жизненный путь Жака, и проделанную нами совместную работу над его историей.

Сперва он хотел, чтобы мы с ним вместе написали о его жизни роман. Вот почему он обратился не к историку, а к писательнице. Он знал, что, рассказывая свою жизнь, такую сложную, полную тайн, богатую событиями, рискует слишком многое пропустить, упростить, скрыть. Он знал, что у памяти есть свои пределы, а ему было уже под девяносто. Он считал, что не следует уделять особое внимание его персоне: ведь миллионы людей погибли. А главное, он утверждал, что его личная жизнь никого, кроме него, не касается.

Но само его свидетельство было наделено такой силой, что все попытки соединить его с литературным вымыслом выглядели смехотворно. Оказалось, что правда, высказанная человеком такого масштаба, не терпит никаких ухищрений и прикрас; его субъективная точка зрения на события была несовместима с писательской субъективностью. Ведь человек, по словам Анри Мальро, это не то, что он скрывает, а то, что он есть. А кроме того, по точному замечанию Цветана Тодорова, «речь свидетеля значительно обогащает исследования историка даже в том случае, если первый не одержим таким же стремлением к истине, как второй»².

Дело в том, что быть свидетелем – такое же призвание,

² Todorov Tz. *Mémoire du Mal Tentation du bien*. Paris: Robert Laffont, 2000. P. 43.

как быть артистом. Память Жака давно и упорно искала себе выхода. В тот момент, когда через несколько лет после ареста Жак-заключенный понял, что Жак-коминтерновец и сам он – одно лицо, а не два разных человека, которых система перепутала по ошибке, он другими глазами взглянул на своих товарищей по заключению и на преступную систему, которая превратила их в каторжников. Теперь он жил, чтобы запоминать и впитывать. В мире, где бумага и карандаш находятся под запретом, где любая запись грозит добавлением нескольких лет к сроку, он, чтобы сохранить добытые наблюдения, полагался только на свою исключительную память, которую ежедневно тренировал, в частности, в одиночной камере, а когда режим становился немного мягче, делал краткие записи на клочках бумаги и исхитрялся сбегать их во время постоянных обысков.

Через год после того как он выехал из Советского Союза, в 1961 году, в коммунистической Польше, где жизнь все-таки была свободней, чем в СССР, он зафиксировал всё, что помнил, исписав сотни карточек. Позже этот кропотливый труд приведет к созданию «Справочника по ГУЛАГу», своеобразного энциклопедического словаря, во всех подробностях отразившего тюремный мир, знакомый ему наизусть; Жак ставил себе цель изучить систему ГУЛАГа, чтобы понять «самую суть коммунистического тоталитаризма». Книга написана с трезвым пристрастием к точности, которое восхи-

тило бы Маргерит Юрсенар³; в 1987 году она вышла в Лондоне на русском языке, затем в 1989-м в Нью-Йорке на английском, в 1991-м в Москве на русском, в 1996-м на японском, в 1999-м на чешском. Автору пришлось ждать десять лет, пока его труд опубликуют в Париже на его родном языке; это произошло в 1997 году. Да ведь ему и самому пришлось больше четырех десятилетий ждать возвращения «на землю предков», на авеню Сопротивления в муниципалитете Монтрёй.

Основные наши беседы с Жаком записаны на тридцати кассетах; в этих беседах мы попытались проследить и историю его терпения. Сейчас, когда я пишу эти строки, на дворе уже начало 2000 года, а Жак опять ждет. Теперь он ждет, когда будет готова книга, которую я пишу по его просьбе на основе наших с ним диалогов. Главное мое дело было – слушать; в нашей книге я выступаю как собеседник и рассказчик. В этой трагедии, с ее непременным катарсисом, в котором преломляются жалость и страх, я по очереди буду то хором, то публикой. В беседах с бывшим зэком, дающим свидетельские показания, я буду иногда играть роль безответ-

³ Юрсенар Маргерит (наст. фамилия Крейанкур, 1903–1987), французская писательница бельгийского происхождения, первая женщина, избранная в Академию. Автор предисловия имеет в виду мысль, высказанную Юрсенар, в частности, в романе «Алексис, или Рассуждение о честной борьбе» (1929): «Термины научного словаря, который возник совсем недавно, обречены выйти из моды вместе с теориями, ими оперирующими; к тому же они искажены чрезмерной популяризацией, которая лишает их важнейшего достоинства – точности...» (пер. Ю. Яхниной). – *Прим. ред.*

ственных, тех, кто не мог или не хотел знать правду. Я буду выступать как балованное дитя нашего общества, «везунчик», «левая интеллектуалка», одна из тех, кто предъявляет счет нацистскому тоталитаризму, более изученному и понятному, чем противостоявший ему и дополнявший его советский тоталитаризм; я буду воплощением всех тех, кому Жак должен бросить вызов, чтобы освободиться от бесконечной боли, ведь это не только его боль – это и страдания миллионов, загнанных в ад ГУЛАГа.

Такое противостояние необходимо на протяжении всего рассказа, но книга эта – еще и результат самого тесного сотрудничества: условия нашей совместной работы не позволяли мне отстраниться; рассказчик не имел права критически оценивать показания свидетеля. Это не биография Жака Росси – ведь книга написана другим человеком и умалчивает о некоторых семейных и личных обстоятельствах; они остались тайной свидетеля. Но это и не традиционная историческая биография, потому что она продиктована преимущественно субъективным представлением свидетеля о нем самом. Это и не роман, потому что в книге нет ни малейшего вымысла. Это просто рассказ о жизни, цель которого – как можно точнее передать голос свидетеля, с его тембром, интонациями, ритмом, паузами.

Мы собираемся рассказать историю человека, погнавшегося, по его собственным словам, за химерой, но сумевшего постепенно, неустанным трудом, разоблачить собственные

заблуждения. Человека, никогда не впадавшего в отчаяние из-за того, что более двадцати лет, всю молодость, провел в застенках бесчеловечной системы, которую сам же поначалу защищал из самых человеческих побуждений. Человек, который не только выжил в ужасных условиях, но и сопротивлялся им.

Этот рассказ от лица человека, наделенного стойкостью, позволившей ему выжить и выдержать всё, от лица бескомпромиссного идеалиста, которого система не смогла ни подкупить, ни сломить, будет, вероятно, одним из самых последних личных свидетельств о советском тоталитаризме тридцатых годов, причем исходит оно от француза, а таких свидетельств совсем мало. Мы решили озаглавить эту книгу «Жак-француз», так называли его, иностранного коммуниста, солагерники. Читатели еще раз получают возможность узнать из уст очевидца, что выпало на долю таких же людей, как мы, в эпоху, которую теперь уже можно назвать прошлым столетием. Жак Росси прошел тот же путь, что и многие другие, родившиеся на заре XX века; его судьба показательна, она освещает нам темную эпоху, не сумевшую ни уничтожить его, как миллионы других, ни принудить к молчанию. В сущности, он один из выдающихся наших проводников по этой эпохе.

Часть первая

Вначале

На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс

1. Больше никогда

Единственным утешением, пока я поднимался к себе наверх спать, служило мне то, что мама придет поцеловать меня перед сном.

Марсель Пруст

«С мамой мы очень дружили. Мне было очень тяжело, потому что всю жизнь — до моих десяти лет — она была моим лучшим другом. Нам с ней и говорить не нужно было. Мы просто были вместе. Иногда переглядывались... И всё понимали без слов. Гораздо позже, когда я работал тайным агентом, я вновь испытал это заговорщицкое чувство. Когда, выполняя секретное задание, я должен был устанавливать связи, мне приходилось сотрудничать с коммунистами стран,

языка которых я не знал, например Венгрии, Норвегии, Финляндии. Я должен был передать конверт или небольшой пакет незнакомому человеку. Нам достаточно было обмениваться взглядами на улице... И я тут же чувствовал, что это он. Вот он, человек из моей команды. Мы оба заняты одним и тем же очень важным делом, а всё остальное не имеет значения. И то же ощущение было у меня по отношению к маме. Слова были не нужны. Например, все играли в настольные игры, скажем, в карты, она и другие люди, дамы и господа, иногда только дамы. И вдруг я делал что-нибудь не то, какую-нибудь глупость. Она оборачивалась. Наши глаза встречались. На губах у нее появлялась легкая усмешка. Это был именно заговор. Может быть, дело в том, что мы оба были чужими в этой стране. Дома мы говорили по-французски. Мама так и не выучила польский. Кое-как она на нем лопотала. Совсем маленький, я уже служил ей переводчиком, когда она ходила в магазин во время поездок в Европу или когда надо было объясниться с прислугой на немецком, итальянском и других языках. И на польском, конечно, – с конюхами, когда мы вместе ходили смотреть лошадей.

Помню прием в Польше, в имении отца, после охоты – там были аристократы, были соседи-помещики, а на веранде огромная груда кабанов, фазанов, оленей. А потом шумный праздник. Меня уже уложили. Но я чувствовал, что мне необходимо увидеть маму. Я стал звать, не очень громко, потому что не смел кричать изо всех сил. Я был недалеко от

большой комнаты, она услышала и пришла меня поцеловать. Она наклонилась надо мной. Погладила меня по голове. Она не торопилась. Ушла от меня слишком скоро, но без спешки. Я так ясно всё помню. Это было восемьдесят лет тому назад, но я прекрасно всё помню. Это заговорщицкое чувство, это сознание, что есть кто-то, от кого у меня не может быть секретов – даже в том, что касается секретной работы для Коминтерна...».

Эту последнюю фразу Жаку хочется переделать, подчеркнуть, как ему повезло, что ему не приходилось ничего скрывать от мамы, ведь она так давно ушла из жизни. Но из первого варианта фразы становится ясно, что даже в обстановке секретности, связанной со службой агента Коминтерна, знающего, что не должен никому проговориться, даже заключенному в Бутырской тюрьме, выдерживающему допросы с избиениями, важно, что был в его жизни человек, единственный, которому он мог во всем довериться, – его мать Леонтина Шарлотта Гуайе, родившаяся во Франции, в Бур-ан-Брессе, департамент Эн, в 1877-м, умершая в Польше около 1920 года, когда маленькому Жаку было лет десять. «Она была такая красавица. Я смотрел на нее, как смотрят на Мону Лизу. Потому что она всегда чуть-чуть улыбалась, даже когда заболела и болезнь становилась всё тяжелее и тяжелее, даже когда она уже не могла вставать с постели... Даже тогда ее взгляд оставался прекрасным. И я смотрел на нее, как верующий смотрит на Деву Марию на образах. Ма-

ма была высокая, ну, наверно, не очень высокая, но все-таки, конечно, выше меня. Черноволосая, темные глаза, вьющиеся волосы, разделенные надвое пробором, правильные черты. Голос у нее был очень музыкальный. Смотреть на нее было для меня такой радостью».

Мама снилась ему в бесконечные часы, недели и годы заключения; она осталась главной любовью его жизни. Он долго не хотел рассказывать о большинстве других женщин, присутствовавших в его жизни, но о маме говорил с удовольствием. Кроме того, он ссылался на нее, чтобы объяснить свой талант приспосабливаться к незнакомым обстоятельствам. «Мне кажется, что и мама, и я принимали жизнь такой, какая она есть».

Между 1909-м (год, когда Жак родился) и 1918-м (конец Великой – Первой мировой войны и независимость Польши) их жизнь состояла из путешествий по Европе, из Италии в Швецию, из Вены в Мадрид, из Берлина в Лондон, из Зальцбурга в Люцерн, Женеву, Лозанну, Берн; они побывали даже в Норвегии, даже в Финляндии, которая в то время была оккупирована Россией⁴.

Самые первые его воспоминания – о Бур-ан-Брессе, вероятно потому, что «там родилась мама»; хотя, может быть, это был Лион, «потому что, когда я роюсь в памяти, мне вспоми-

⁴ В результате русско-шведской войны 1808–1809 годов Финляндия отошла к Российской империи и оставалась в ее составе до декабря 1917 года как Великое княжество Финляндское, со своей Конституцией и парламентом (сеймом). – *Прим. ред.*

наются типичные лионские улицы в одном вполне конкретном квартале, и очень высокие потолки, и какие-то картины, в которых позже я распознаю уголки парка “Золотая голова”, и переулки вокруг церкви Нотр-Дам-де-Фурвьер».

Но больше всего первые детские годы Жака отмечены роскошной кочевой жизнью, переездами из отеля в отель, из шикарных апартаментов в маленький дворец – типичная жизнь европейских богачей на рубеже века. Позже, годами сидя взаперти в тесных камерах, он будет вспоминать только одно их временное жильё в Париже, около Люксембургского сада. Жак помнит, что в дом входили через сад. Возможно, это было на улице Флерюс: «Улица выходила прямо в сад, она была продолжением аллеи, а потом направо и еще чуть-чуть; перед тем как войти в сад, нужно было перейти дорожку – кажется, это была улица Гинмар». Зато он точно помнит водоем перед Сенатом, где пускал свой парусный кораблик, и аллеи, и пони, и осликов.

А потом картина делается неподвижной, воспоминание застывает: это Люксембургский сад году в 1916-м. Жаку от силы семь лет. Он с няней, потому что гувернантка, рангом повыше, не поддерживает никаких контактов с внешним миром, состоящим из низших по положению людей. Подходит фронтовик в лазурно-голубом мундире. Заговаривает с няней. В саду полно таких людей в мундирах, но они уже не солдаты. Некоторые хромают, кое-кто передвигается на костылях. Есть и безногие, они перемещаются на маленьких

платформах, отталкиваясь от земли с помощью двух дощечек. Мальчик глядит на них во все глаза. Первый раз в жизни он видит людей без ног, совсем без ног. Другой раз его поражает кошмарный слепец, у которого на лице вообще нет глаз. Его ранило гранатой, а потом ему кое-как залатали кожей вырванный из лица глаз. Другого глаза тоже нет, вместо него зияет дыра, а на том месте, где были губы, осталась только горизонтальная щель.

«Кто эти люди без рук и без ног?» – спрашивает мальчик, и ему угрюмо говорят: «Они ранены на войне». И пока няня отвечает на заигрывания фронтовика, Жак наблюдает. С некоторого времени он часто слышал разговоры, в которых мелькало это таинственное слово «война». И выражение, которое то и дело произносят взрослые: «Больше никогда!» «У меня до сих пор звучит в ушах: “Больше никогда!”», “Самая распоследняя!” Это было трагично, как греческий театр, и не только интонация, с которой взрослые это говорили, но и их глаза. Я пытался им подражать, копировал с натуры... Эти жесты, эти глаза, возведенные к небу, эти руки – я понимал, какая во всем этом торжественность. Если впоследствии я поверил в коммунистическое движение, то кроме всего прочего еще и потому, что оно обещало положить конец войнам!»

Война, черная туча, внушающая взрослым такой страх. Он подолгу рассматривает ее изображения на рисунках пером и гравюрах в газете «Иллюстрасьон». В еженедельнике

портрет инвалида выглядит, пожалуй, даже красиво. Ничего общего с жуткими фигурами в Люксембургском саду. И ребенок принимается рисовать сам. Спустя восемьдесят пять лет у него перед глазами стоят коробки с цветными карандашами и стирательные резинки, которые были в то время. Потом он будет студентом Школы изобразительных искусств, а в ГУЛАГе его талант получит возможность развернуться: он станет рисовать портреты других заключенных.

Мама, глядя на пятилетнего художника, не подозревает о том, какая судьба его ждет. Однако ради мамы и с ее помощью он развивает способности, которые потом пригодятся ему и на секретной службе, и в заключении: дар к языкам, к рисованию, любовь к чтению и письму, отменную память. Мама очень рано научила его выводить буквы, читать, немного считать. Но в школу его не посылали – считалось, что он слишком хрупкий. В шесть лет он знает буквы и цифры. Самостоятельно интересуется алфавитами тех стран, в которые попадает. Копирует с малого иллюстрированного «Ларусса» русский алфавит. Ищет соответствий между буквами разных алфавитов. Оказывается, в русском, в отличие от французского, каждому звуку соответствует своя буква. Он в отчаянии оттого, что медленно считает: «Теперь, когда я прихожу за покупками, я даю кассирше кошелек и она сама берет оттуда сколько надо, бумажные деньги и мелочь. Потому что мне трудно считать и вдобавок я путаю монеты в один франк и в двадцать сантимов».

Он очень быстро освоил «Розовую библиотеку» – что-то сам прочел, что-то ему прочли. Он вспоминает, как красивы были томики в твердых переплетах, с золотым обрезом, с иллюстрациями, гравированными на меди. Из графини де Сегюр застряли в памяти только «очень вежливые и очень хорошенькие детки». Зато его воображение пленила другая история, действие которой происходит в Америке: «Там двое ребят отправились с их негром смотреть, как он ловит раков. Мальчик приходил в восторг каждый раз, когда раки вцеплялись клешнями негру в ноги и он выходил из ручья, а девочка, у которой было доброе сердце, запрещала такую ловлю, потому что ему ведь было больно. А негр героически возражал: “Мне же приятно ловить для вас раков!” Эта история меня поразила. Не знаю, что больше – то, каким образом ловили раков, подставляя собственные ноги, чтобы они за них цеплялись, или то, как к этому относились дети, или особенно великодушные молодого негра, который так хотел порадовать детей».

Отчим изучал архитектуру в Германии, и Жак полагает, что он посещал строительство во всех странах Европы: ему запомнилось, как тот копировал архитектурные чертежи. В те времена не было ксерокопий, и чтобы изготовить копию чертежа, его выкладывали на солнце, а потом окунали в огромные кюветы. Иногда ребенку, к его восторгу, разрешалось в этом поучаствовать.

Пока они так кружили по Европе, товарищи по играм у

Жака всё время менялись – как потом будут меняться со-камерники и солагерники. Он приспособливается и быстро осваивает несколько языков. Дома они говорят по-французски и с мамой, и с человеком, которого Жак называет то «отчим», то «мой польский отец»; кровного родства между ними, разумеется, нет, но отчим его официально усыновил. Но отец владеет также немецким – ведь он учился в Германии, английским – у него родня в Лондоне, и русским, хотя как польский патриот испытывает к этому языку антипатию. Бабушка с материнской стороны – эльзаска; когда она навещает их в Париже, мальчик говорит с ней чаще всего по-французски, но иногда и по-немецки.

В Риге, в Латвии, маленький Жак выходит из положения, разговаривая с другими детьми то по-русски, то по-немецки. Один раз только, в Австро-Венгрии, в Будапеште ему оказалось трудно говорить по-венгерски, но нашлись дети, кое-как объяснявшиеся по-немецки. Двадцатью годами позже он снова побывает в некоторых городах, где кочевал в детстве, – но теперь путешествует в качестве агента Коминтерна, участвуя в разрушении мира, который его сформировал и подарил ему столько преимуществ.

Они живут роскошно. Везде полно прислуги. Однако Жак различает домашних слуг и служащих отелей. В детстве он окружен няньками, которые потом сменяются учителями и гувернантками, уже не столь близкими. Нянюшки тоже способствуют овладению языками. Среди них францужен-

ки, швейцарки, австрийки... В 1912–1913 годах, вспоминает Жак, у него была няня с разными глазами, научившая его сидеть на полу; позже он узнал, что она была уроженкой Лаоса. «Много позже, году в 1950-м, я оказался в Восточной Сибири, в тюрьме для особо опасных преступников, и меня поместили в камеру, где сидели японцы. Привычка сидеть по-турецки спасла мне ноги. Камеры в этой тюрьме были совершенно ледяные, и сидеть с ногами на полу означало верный ревматизм. А у меня всегда очень мерзли ноги. Японцы имели право сидеть на лежанках. А другие этого права не имели. Такое особое обращение с японцами объяснялось не каким-нибудь там особым великодушием. Дело в том, что после Второй мировой войны русские коммунисты надеялись, что сумеют продать Японии ее военнопленных в обмен на какие-то политические уступки. Им разрешили сидеть в этой традиционной позе, и я пользовался этой поблажкой заодно с ними, а всё благодаря моей лаосской няньке».

Этот ребенок из богатой семьи был щедрым и болезненным. Ему не разрешалось ни бегать, ни плавать, ни кататься на коньках. Позволено было только кататься на санках. Взрослые опасались, что он разгорячится или вспотеет и подхватит простуду. Он, который потом будет корчевать деревья из мерзлой сибирской земли, из-за своей чрезмерной хрупкости не имел права участвовать в детских играх. Его привезли в Александрию: тогда считалось, что там уникальный воздух, необыкновенно полезный для легочных боль-

ных. Это было еще до Первой мировой войны, Жаку не было и пяти лет. Он помнит смуглых египтян, помнит их красные фески и сверкающие усы. Помнит, что дело было летом и что он ехал вместе с мамой. Но здоровье его наладилось только в 1927–1928 годах, когда ему было лет восемнадцать-девятнадцать и он впервые испытал на себе, что такое заключение, попав в польскую тюрьму.

Как объяснить, что ребенок, которого берегли как тепличное растение, впоследствии так хорошо приспособлялся к самым суровым, самым непереносимым условиям? «Я считаю, что жизнь – сама по себе привилегия, но никаких других привилегий я никогда не искал. Конечно, когда попадаешь в очень сложные условия, пытаешься их как-то улучшить. Но ведь для сна нам требуется только одна кровать, и едим мы только три раза в день, а главное, когда умрем, нас положат в один-единственный гроб. Можно иметь всего вдвое, втрое больше, и всё равно могила тебя ждет только одна. А главное, мне повезло в том, что и горе, и нищету я наблюдал не издали, они были тут, рядом, я видел страдания миллионов людей и, когда жил хорошо и ел вдоволь, очень часто задавал себе вопрос: а имею ли я право на всё это?

В Бутырской тюрьме в какой-то момент мне удалось вставить в щель в стене спичку. На эту спичку я прицепил свою рубашку, потому что когда мы там спали все вповалку, мы потели, и носить все время эту пропотевшую рубашку было отвратительно. Это было невероятное удобство: повесить у

себя над головой на ледяную стенку эту рубашку – она держалась на спичке, которую я исхитрился укрепить в стене с помощью хлебного катышка, потому что жеваный хлеб становится твердым, как цемент. Спичка держалась довольно долго. К счастью, надзиратели не возражали! Ночью я спал голый до пояса и обливался потом, но по крайней мере утром я мог немного обмыться и натянуть сухую рубашку. Пони-маешь, вот таких удобств я домогался всюду, куда бы ни по-падал. Но этот ваш комфорт, комфорт баловней судьбы, ме-ня стесняет. Правда, из ГУЛАГа я выбрался. Но это еще не значит, что всё в прошлом. Я, конечно, знаю, что тот ГУ-ЛАГ, которого я хлебнул, больше не существует. Зато есть тюрьмы, и в России, и в других местах. И там по-прежнему заперты люди, мои братья... Я ведь и коммунистом стал из-за социальной несправедливости».

В шестидесятые годы, когда Жак будет ненадолго приез-жать во Францию из Польши, он с помощью друзей начнет наводить справки о своем гражданстве. В свидетельстве о рождении Жак записан под именем Франтишек Ксаверий (или Франсуа Ксавье) Х., там сказано, что родился он в Бре-слау (старинное русское название города – Бреславль), в Си-лезии, 10 октября 1909 года. Бреслау тогда входил в состав Германии и только в 1945 году вновь станет польским горо-дом Вроцлавом. И вот тогда Жак узнает, что его мать, фран-цуженка Леонтина Шарлотта Гуайе, была дочерью столяра, родилась в 1877 году, что подтверждено двумя свидетелями,

кузнецом и краснодеревщиком. Марсин Х. – его настоящий отец, но Жак не считает его фамилию своей и не захочет раскрывать инициал.

Первая тайна в жизни Жака: как совместить это более чем скромное происхождение с образом гранд-дамы в бальном платье, на которую сверху смотрит ребенок, пока она спускается по мраморной лестнице роскошного дома? Конечно, в те времена бывали мезальянсы, браки по любви, и Марсин Х., наследник богатейшей семьи, владевшей землями и промышленными предприятиями, мог жениться на дочери ремесленника. Но открытие Жака не столь безобидно: образ отпрыска богатой семьи обростает подробностями. Картина уточняется благодаря тому, что Жак знал свою бабушку-эльзаску, которая на его памяти всегда была вдовой столяра, после войны жила в Финляндии, где была компаньонкой, а потом переехала к дочери в Польшу. И Жак, даром что отдал семьдесят лет борьбе за справедливость и за уничтожение классовых привилегий, не отделяет себя от матери, которую потерял слишком рано. Леонтина умерла вскоре после того, как Марсин Х. из патриотизма решил воссоединиться со своей семьей и вернуться в Польшу, вновь ставшую свободной. Между прочим, Жак не единственный ребенок Леонтины и Марсина. По его словам, сестра Сильвия, или Сильви, и брат Пьер, или Петр, – тоже биологические дети Марсина Х.

В 1919 году по Версальскому договору Польская Республика получила независимость. Главой государства становит-

ся Пилсудский. В результате войны 1919–1920 годов между Польшей и Советским Союзом по Рижскому мирному договору, подписанному в 1921-м, Польше отошла западная часть белорусских и украинских земель. Между 1926 и 1935 годами, особенно с 1930-го, Пилсудский сосредоточивает в своих руках всё большую власть. Память об исторических событиях можно освежить с помощью книг, но когда мы заговариваем о событиях его личной жизни, Жак сердито возражает мне: «У меня не было записной книжки! Я могу тебе точно сказать, что было пятнадцать лет назад: я загляну в свои записи. Но в десять лет я ничего не записывал!»

2. Установленный порядок

*Не у всех, кто зрит, глаза открыты, не все, кто
смотрит, видят.*

Бальтасар Грасиан

Жак рассказывает, что впервые столкнулся с социальной несправедливостью в Польше, когда ему было двенадцать лет. Они катались в экипаже с его шотландской гувернанткой и остановились полюбоваться полем, где зрели рожь, ячмень и кукуруза. Вдруг какая-то крестьянка, прерывая объяснения гувернантки, хватает руку ребенка и целует. Он резко отдергивает руку. А гувернантка, нависая над ним, строго ему выговаривает:

– Don't. This is established order! Не делайте этого! Таков установленный порядок!

Ребенок смутился. Вообще мисс Данлоп, гувернантка, приехавшая из Великобритании, казалась ему строгой, но справедливой. Обычно она ему всё объясняла. Например, когда дома торжественный прием, господа оставляют цилиндры у входа, на особом столике вдоль стены перед большим зеркалом. Их полагается ставить книзу дном. Почему? Потому что если горничная по небрежности плохо вытерла пыль, она останется на полях цилиндра и потом попадет на лоб владельца. Другой пример: яичная скорлупа. Нужно ее раздавить прежде, чем унесут тарелку. Почему? Чтобы скорлу-

па не упала, пока поднос с тарелками относят на кухню, чтобы не доставлять лишних трудностей прислуге.

«И я давил скорлупу! И я никого не обижал и делал кое-что полезное. Но “установленный порядок”? С точки зрения мальчишки, каким я тогда был, целование рук было отвратительно, понимаешь? Во-первых, унижительно для старухи крестьянки. А во-вторых, она же была грязная! Она работала в поле!»

Переезд в Польшу оказался в детстве Жака переломным пунктом. Он чувствует себя так, словно его сослали на территорию Марсина Х., с которым у него нет взаимопонимания. Поначалу он разделяет это изгнание с мамой. После ее смерти, несмотря на присутствие других детей, ему будет ужасно не хватать мамы; Марсина Х. он считает отчимом, но называет «отец» и на «вы». «Мой польский отец был очень важным явлением в жизни, это был хозяин; все знали, что в руках у него сосредоточена огромная власть. Я мальчишкой не понимал как следует, что это значит, но наблюдал за ним и чувствовал себя не в своей тарелке. Все его так почитали, его осеняло такое величие!»

Семье Марсина Х., кроме прочего, принадлежало несколько домов. В том числе был «дворец» у него в поместье. С Версалем это строение не могло тягаться, зато напоминало Белый дом: колонны, множество помещений, несколько кухонь и службы, где жила прислуга. У мисс Данлоп было что-то вроде отдельной квартирки, туда не так про-

сто было попасть. «Надписи “вход запрещен” на дверях не было, но ясно было, что это личное пространство и его надо уважать». Жак играл иногда с детьми управляющего, который жил с семьей неподалеку в красивом доме.

В Польше они ведут всё более оседлый образ жизни. Сперва, пока еще не прошли первые патриотические восторги от того, что Польша стала свободной, семья живет в Варшаве, в гостинице, потом они переезжают в просторную квартиру и наконец в провинцию, где отчим вроде бы занимает пост префекта в городе Кутно, а потом становится директором департамента градостроительства в Министерстве высшего образования. Каникулы Жак будет проводить во Франции. Заботливая польская прислуга водит ребенка к мессе, хотя он не помнит, чтобы ходил в церковь с мамой или с отчимом, который там бывает только на официальных церемониях. «Они были не очень-то богомольные. В те времена в Польше зимой церкви не отапливались, а у меня вечно стыли ноги, так что я был не в восторге от того, что меня туда водили. Но учиться я любил, и Иисус мне нравился. Мне уже тогда казалось, что он пожертвовал собой во имя справедливости, чтобы мы все были равны. В дальнейшем в отличие от моих товарищей-коммунистов я не питал вражды к религии: ведь в нас во всех столько варварства! А религии немного смягчают людей, принадлежащих к самым разным цивилизациям. Я-то так и не решил для себя этот вопрос: я не знаю, откуда взялся наш мир. Мне говорят – его создал Господь

Бог, ладно, пускай, но тогда откуда взялся Господь Бог? Я по-прежнему не знаю происхождения ДНК. И как образовалась первая молекула. А время? С какого момента начался отсчет времени? Понятия не имею. Но это меня очень мало тревожит, ведь я видел горе, нищету, и в первую очередь меня беспокоят страдания миллиардов человеческих душ. Моя подруга Мари-Изабель верующая, но мы с ней говорим не о Боге, а о земных делах. Она изучает теологию в Страсбурге. Когда она изредка делает пересадку в Париже, я провожаю ее с вокзала на вокзал. Она никогда не пыталась меня переубедить. А я уважаю ее за то, что у нее есть идеал, и за то, что она не пытается мне его навязать.

В польской школе католическое воспитание было обязательным. Когда в двенадцать или тринадцать лет я пошел в лицей, у меня были уроки катехизиса. Я слышал разговоры о коммунизме, мало что понял, но заинтересовался. И однажды после урока я спросил у кюре:

– Что такое марксизм?

Мне было в самом деле очень интересно, что он ответит. Он отнесся к моему вопросу очень серьезно. Посмотрел мне в глаза. Я, по-моему, и сегодня, семьдесят пять лет спустя, точно помню, что он мне сказал:

– Марксизм придумал еврей Маркс, чтобы разрушить Римско-католическую апостольскую церковь.

Я удивился. Священник был очень искренний, но и весьма ограниченный. И я цитирую его формулировку с тем боль-

шим интересом, что спустя несколько лет, в 1927 году (мне было тогда восемнадцать лет), я задал такой же вопрос о фашизме секретарю моей польской подпольной ячейки. Это произошло после марша на Рим⁵, предпринятого Муссолини, и в Польше об этом говорили, но я был не очень в курсе. Тогда молодой человек, пролетарий по происхождению, стал очень серьезным, точно как мой аббат, и, по-учительски подняв палец, ответил:

– Фашизм – это железная метла, которую капитализм пускает в ход, чтобы вымести вон все завоевания пролетариата.

В тот момент мне вспомнился ответ кюре. Во второй раз я почувствовал, что ответ меня не удовлетворяет».

Про отношения мамы с его отцом-поляком Жак помнит только, что между ними существовали разные «заговоры»: например, чтобы позвать друг друга в парке вокруг виллы, они насвистывали начало какой-нибудь оперной арии. В независимой Польше, где с 1919 года устанавливается авторитарный режим Пилсудского, Марсин Х. становится высокопоставленным функционером. Впрочем, с точки зрения Жака, этот режим все-таки не диктатура.

Когда Жак был совсем маленьким, он как-то спросил у няни, почему она не купила что-то, что собиралась купить. Она ответила:

⁵ «Поход на Рим», предпринятый Национальной фашистской партией Италии под руководством Б. Муссолини, состоялся 27–30 октября 1922 года, примерно за пять лет до заданного Жаком вопроса. – *Прим. ред.*

– У нас денег нет.

«Тоже мне беда! Мы как раз проходили мимо банка, где в те времена выставляли в витрине бумажные купюры и монеты. И я думал, что если у вас нет денег, вы просто идете в банк и покупаете там деньги».

До маминой смерти Жак не знает, что такое школа. Его учат домашние учителя, в том числе один русский студент, который в 1920 году убежал с семьей от коммунистов. Студент должен преподавать ему математику, но все больше рассказывает о Бакуanine и Плеханове. Молодая серьезная девушка дает Жаку уроки истории. Про остальных учителей Жак помнит главным образом, что они проверяют его тетради и что отец очень недоволен тем, как он выполняет задания.

Мало-помалу ребенок из богатой семьи превращается в сынка высокопоставленного чиновника, существующего в авторитарном иерархическом обществе. Лет в двенадцать или тринадцать он куда-то едет в поезде один и приходит в ужас от грязи в вокзальной уборной. Невозможно поставить на пол его красивый белый кожаный чемоданчик. «Как быть? На платформе я увидел двух полицейских. И я попросил их, очень вежливо, как делал при мне отчим:

– Будьте любезны, не присмотрите ли вы за моим багажом, пока я загляну в туалет?

Мне казалось, что полицейские должны оказывать услуги кому угодно, в этом нет ничего особенного. Они мне отве-

тили со всей любезностью – ведь я был явно мальчиком из хорошей семьи, а с важными особами можно нарваться на неприятности! – что такая услуга не входит в их обязанности и что их работа заключается в том, чтобы искать мой чемоданчик, если его у меня украдут».

Но кое-что даже в пределах семейной территории казалось мальчику всё менее и менее нормальным. Например, униженность простых людей – когда крестьянка хотела поцеловать ему руку. Или взять кучера. Жаку нравился этот пятидесятилетний мужик, он так хорошо разговаривал с лошадьми, так много знал про отношения между людьми и вообще казался таким мудрым. «Но как только появлялся отец, я с изумлением обнаруживал, что между нами разверзалась пропасть. Он снимал шапку; не то чтобы он вытягивался по стойке “смирно”, но всё его поведение менялось; если он сидел, то при виде отца вскакивал на ноги. Я отчетливо ощущал, что между мной и кучером больше равенства, чем между мной и отцом, и когда он сдергивал шапку с головы, чтобы ответить на вопрос хозяина или выполнить его распоряжение, я чувствовал, что я на стороне кучера».

А еще были служанки, которые его украдкой баловали. Но когда появлялся Марсин Х., все начинали вести себя как положено. Так мальчик на опыте познакомился с наукой двуличия, которая позже будет выручать его на секретной работе, состоявшей в том, что, «перевозя тайную корреспонденцию, я делал вид, что я не я, а другой человек». А человеческо-

му теплу он учился у этих женщин, особенно после смерти матери. Жак помнит их ласковые объятия, их заботу, чаще всего за едой, которая всегда была для него пыткой: «За столом невозможно было даже себе представить, чтобы ребенок не съел то, что ему дали. Надо было всё доесть до последней крошки. К счастью, одна служанка в поместье отчима прекрасно знала, чего я не люблю. Она исхитрилась незаметно убрать с моей тарелки то, чего я не ел, и незаметно съедала это сама. Помню, как я мучился, когда ей это не удавалось. Со стола не убирали, все собирались вокруг меня и строго смотрели, как я доедаю. Я плакал, давился. Уж не знаю, как этой женщине удавалось меня выручать, но благодарен ей по сей день».

Когда на стол подавала не сообщница мальчика, бывало, что он просто не мог глотать. Он отказывался, упрямился. Тогда его в наказание закрывали у него в комнате. Дверь не запирали, но он не имел права выйти. Шотландская гувернантка заходила время от времени, чтобы узнать, не одумался ли он:

– How are things? Ну что?

Ребенок не сдавался:

– Ничего! Я остаюсь.

Видимо, после смерти матери упрямство еще усугубилось. Мамину болезнь он помнит смутно. Однажды она не вышла к завтраку. С тех пор он каждый день заходил к ней в комнату с гувернанткой. «Как в кино, где показывают, как

мама лежит в постели. Она меня обнимала, говорила словечко-другое. Меня тревожило, что она лежит неподвижно. Я пугался затхлой атмосферы, опущенных штор, приглушенных звуков, запаха лекарств. При маме почти все время сидела медсестра в белом халате. Когда у дверей звонил врач, кто-нибудь со всех ног бежал открывать. Врачей было несколько. Все они были элегантные господа – черные галстуки, крахмальные воротнички, пенсне на шнурке; говорили они веско, а все, даже гувернантка, почтительно слушали. Осмотрев больную, они беседовали по-польски с отцом».

Однажды утром Жака не повели к маме. Несколько дней спустя ему сказали, что она уехала. Никто так и не сказал ему никогда, что она умерла. Он не помнит ее похорон. Чуть погодя прислуга попросила его снять курточку. Надо было прикрепить к ней траурный креп. Он уже видел, как знакомые носили креп, когда кто-нибудь в семье умирал. Он догадывался, что это значит. В глубине души он понимал, что произошло, понял в ту самую минуту, когда ему сказали, что мать уехала. Но вопросов не задавал.

По сравнению с другими он был трудный ребенок. Сам Жак говорит – «злой», слово «бунтарь» он отвергает. «Что значит бунтарь? В газетах часто пишут о детях-бунтарях. Восстать против Сталина – это я понимаю, дело того стоит. Но бунтовать, когда это тебе ничем не грозит? Это просто попытка привлечь к себе внимание».

После смерти матери семья переехала в провинцию, Мар-

син Х. был назначен префектом. Жака впервые посылают в школу, в общедоступную школу второй ступени. Чтобы записать мальчика в польский лицей, пришлось преодолевать кое-какие бюрократические трудности: у Жака не было документа об образовании первой ступени, но проблемы быстро разрешились благодаря тому, что директор лицея оказался добрым знакомым отца. В лицее мальчик получал плохие отметки по всем предметам, кроме рисования. Отец сердился, следовала порка, его пороли серым хлыстиком, висевшим в прихожей; с этим самым хлыстиком отец занимался верховой ездой. «Он порол меня без садизма. Приказывал снять штаны. Держа в руке мой дневник, спрашивал:

– Имеет ли право польский школьник получать плохие отметки по польскому языку?

Подумав, я отвечал:

– Нет.

И на меня обрушивался хлыст.

– Имеет ли право француз получать плохие отметки по французскому языку?

– Нет.

– Имеет ли право католик получать плохие отметки по катехизису?

И так далее...

– Можно ли получать плохие отметки по гимнастике?

Не считая рисования, с которым я всегда хорошо справлялся, приходилось на каждый вопрос отвечать “нет”. Как

с марксизмом-ленинизмом... или с католицизмом. Всё было известно заранее, и отвечать можно было только “да” или “нет”».

Жак не отрицает, что насмеялся над произношением учительницы французского, дамы, выучившей язык Мольера в Польше, что не признавал никаких авторитетов, а особенно авторитета отца, и что из всех детей заслуженные подзатыльники доставались только ему. «Летом в поместье у нас была компания – брат, сестра, кузены, и со всеми детьми обращались одинаково. Бабушка, мать отца, давала мне оплеухи тыльной стороной ладони. Помню безымянный палец ее правой руки, изуродованной артритом. И оплеухи, и хлыстик, всё это предназначалось мне одному – ясно же, что у меня был мерзкий характер и что я не такой, как все дети».

А эльзасская бабушка, которая приехала к ним в Польшу, судя по всему, несколько не пыталась утешить мальчика после смерти его мамы, своей дочери. Худая, энергичная, лицо в красных прожилках, седые волосы, очки в стальной оправе. Жак помнит, что она была очень строгая и носила на поясе связку ключей от всех запертых шкафов и чуланов. Она вела дом и железной рукой управляла слугами, которые ее боялись. По-польски она не говорила, так что ей трудно было с ними объясниться. «Она умела произносить их имена, а на всё остальное указывала пальцем».

С мальчиком она говорила по-французски и пыталась научить его немецкому, но Жак цеплялся за свой французский

патриотизм – в это самое время Эльзас и Лотарингия вернулись Франции. Бабушке трудно было жить в Польше, особенно после смерти дочери, которую она ненадолго пережила. Для нее, как и для Жака, за пределами дома начинался чужой мир, отделенный от них непроницаемой завесой. Однажды ребенок застал бабушку, когда она вынула из стенного шкафа коробку с бумагами, достала оттуда фотографию Марсина Х. в молодости и воскликнула: «Как Леонтина могла влюбиться в такого человека!» Этот случай убедил Жака, что Марсин Х. не его отец. Кроме того, хотя брат и сестра тоже говорили по-французски, но с акцентом, с раскатистым «р», а у их младшего брата – произношение идеальное. Но на самом деле сын Леонтины не нуждался в доказательствах, он и так был убежден, что прав.

Вскоре в жизнь отца и всей семьи входит другая женщина; она пытается приручить Жака, но он не поддается. «Моя мачеха была красивая, масса обаяния, да и добрая... Но несмотря на все ее усилия, я упрямился». Жак признает, что прислуга полюбила новую хозяйку. «Это чувствовалось. Дети чувствуют такие вещи». И польская мачеха не терпела воспитания при помощи хлыста. После одного такого наказания Жак слышал, как она сказала мужу: «Если это повторится, я уйду».

Более теплые отношения сложились у Жака с тетей Марией, сестрой Марсина Х. Она была патриоткой и до того, как Польша обрела независимость, работала в частных учебных

заведениях, чтобы давать молодым полякам польское образование, вопреки насильственной русификации. После 1919 года незамужняя тетя Мария (Жак описывает ее как строгую, но справедливую старую деву) преподавала естествознание в школе второй ступени. От родителей она получила в наследство небольшое имение довольно далеко от Варшавы, прежде там жили русские; место называлось Носков, недалеко от Калиша, тетя Мария вела жизнь *gentleman farmer*⁶, обрабатывая землю с помощью двух наемных работников. Маленький Жак вместе с другими детьми проводил там каникулы. Тетка управляла своим маленьким царством: две коровы, две лошади, а также фруктовый сад и огород, где нашел себе применение ее талант к ботанике. У нее был красивый двухэтажный дом, службы, конюшни. Жак любил возиться с лошадьми и даже иногда садился на них, хотя считалось, что он слишком хилый для верховой езды. Он засыпал тетю Марию вопросами о природе, от которой был в восторге. Она обладала утонченной культурой, свойственной польской интеллигенции той эпохи. Владела французским, немецким, английским. Но главное, он ей доверял. Это она рассказала ему о существовании его настоящего отца, морского офицера по фамилии Росси, который умер – утонул.

В жизни Жака, как в жизни большинства людей, пол-

⁶ Сельский джентльмен, благородный фермер (*англ.*) – состоятельный человек, который может себе позволить заниматься сельским хозяйством для удовольствия, а не ради прибыли. – *Прим. ред.*

ным-полно загадок, секретов, масок, которые он не хочет или не умеет скрывать. Это касается и личности его «настоящего» отца, и его имени, которое Жак пожелал принять и сделать своим. В ГУЛАГе он будет числиться Жаком Робертовичем Росси, второе имя Франтишек Ксаверий Х. В его свидетельстве о рождении, выданном 9 августа 1999 года, после того как было восстановлено его французское гражданство, указано, что он именуется Жаком Росси по решению муниципального совета Варшавы от 4 августа 1962 года. Возможно, это и в самом деле имя его «настоящего» отца, о чем Жак вскользь упоминает, а возможно, один из псевдонимов, под которым укрывался секретный агент в момент ареста.

Что до Марсина Х., по происхождению он немецкий еврей, его семья родом из Берлина; в конце XIX века, когда Польша принадлежала России, члены этой семьи покупали земли, фабрики, заводы вблизи Варшавы и Лодзи. «Польский отец» – один из тех крестившихся и ассимилированных евреев, пылких патриотов Польши, которые были резко против российского владычества. Тетка была протестанткой, ее брат – католиком, оба они ратовали за свободную Польшу, а мать Марсина Х. была одной из тех женщин, что вышли знамя для подразделения польских повстанцев во время восстания 1863 года против власти русского царя. Маленькому Жаку с гордостью показывали это знамя, уникальный экспонат, хранившийся в варшавском музее.

Через почти восемьдесят лет после событий, разлучивших его с его «польским отцом», Жак, несмотря на то что между ними никогда не было ни близости, ни взаимопонимания, отдает должное человеку, который всегда относился к нему «корректно» и не жалел денег на его образование. А от французского отца, о котором он, возможно, знал от матери, ему достались только имя и фамилия, а также, если верить Жаку, что-то итальянское в лице. Эти отрывочные сведения – всё, что упоминается в рассказах Жака о фигуре отца, о котором он столько мечтал.

3. Судьба мирового пролетариата важнее вашей карьеры!

Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Иной мнит себя повелителем других, что не мешает ему быть рабом в большей еще мере, чем они.

Жан Жак Руссо

«Я признал авторитет коммунистической партии, марксизма, учения Маркса и Энгельса. Кстати, Энгельс мне нравился больше Маркса, потому что я лучше его понимал, а кроме того, философский и этнологический аспект интересовал меня больше, чем экономический. Таким образом, я выбрал себе наставника. И как бывший правоверный коммунист я сразу же должен покаяться: правоверный коммунист не выбирает себе наставника по своему вкусу. Он чтит марксизм-ленинизм и не задает вопросов. Впрочем, я ничего и не выбирал. Это меня выбрали.

Всё случилось сразу после Майского переворота Пилсудского в 1926 году, мне тогда было не то шестнадцать, не то семнадцать. Коммунистическая партия была вне закона, а в подпольную, нелегальную партию просто так вступить невозможно. Такая партия сама высматривает людей, которые достойны и способны вступить в ее ряды. Это как у масонов. Так на меня и вышли».

Подростком Жак начинает острее воспринимать окружающее. Вырвавшись из тесного семейного мирка, где поле его наблюдений над обществом ограничено прислугой и крестьянами, он вглядывается в большой мир. Когда он был еще в лицее, его пригласил к себе домой один соученик, сын водителя трамвая. Школа была общедоступная, состав учеников социально неоднородный. Жак с удивлением обнаружил, что у семьи вагоновожатого только две комнаты, что гостей принимают на кухне, а трое детей спят в одной комнате. Но главное, в квартире ужасно пахнет, изнеженному мальчику нечем дышать: «Знаешь, там туалет был прямо на лестнице...» Одноклассник объяснял ему математику, которая Жаку не давалась.

И постепенно у него открываются глаза. По примеру юного Будды, которым позже будет восхищаться, Жак удирает из обширного сада, окружающего родительскую виллу (ее можно приравнять к дворцу), и открывает для себя реальную жизнь. Этот никудышный ученик не только набирается жизненного опыта, он еще и пожирает книгу за книгой в отцовской библиотеке, просторной комнате, уставленной книжными шкафами; «даже самые некрасивые переплеты» влекут к себе будущего студента Школы изобразительных искусств. Набеги на библиотеку он совершает втихомолку: Марсин Х. не любит, чтобы нарушали порядок в его библиотеке; он хочет, чтобы каждая книга стояла на своем месте на случай, если ему понадобится навести справку во время бесед с гостя-

ми за чашкой кофе – например, проверить цитату или установить ее автора. И потом, ему как-то не верится, что мальчишка, получающий такие посредственные отметки, интересуется серьезным чтением. Без ведома отца подросток очень рано прочел Руссо, еще до того, как гувернантка объяснила ему про «установленный порядок», – сперва «Эмиля», а потом «Общественный договор», сформировавший в нем идеал социальной справедливости. А заодно Вольтера и Дидро – этот последний научил его всё подвергать сомнению. «Но по-настоящему я начал сомневаться и отвергать “установленный порядок” после того, как побывал у моего польского друга, сына вагоновожатого, в квартире, где не было ни мягких ковров, ни домашней прислуги».

Тем временем его исключили из лицея за сочинение, в котором он, видите ли, посягнул на государственную власть и права господствующих классов. «Это было рассуждение о четырех временах года, смесь политики и поэзии. Я писал, что лето – взрослые в нашем государстве – несет ответственность за весну, то есть за молодежь. Не подозревая ни о чем подобном, я воспроизвел какую-то цитату, чтимую коммунистами. Директор, очень приличный господин, пришел к нам домой и весьма серьезно говорил с отцом и его женой. На этот раз отец не рассердился. Никогда не устану повторять: он вел себя со мной чрезвычайно корректно, никогда не жалел денег на мое образование. Но мы с ним друг друга не понимали. Я считал, что он неправ, но он всегда выходил

победителем в спорах, потому что, пользуясь своими знаниями, своей эрудицией, приводил аргументы, на которые мне нечего было возразить. Сегодня в подобной ситуации я сказал бы: “Со свидетелями Иеговы или со старыми коммунистами нельзя спорить”».

Мачеха снова бросилась его спасать. «Она отвезла меня в Познань и поселила в очень хорошей семье. И я записался в Школу прикладных искусств, а тем временем, вдали от отцовской опеки, продолжал тайно участвовать в партийной работе. Мне было семнадцать».

Среди знакомых той эпохи молодому человеку особенно запомнились три сестры Карпинские. Ирена Карпинская старше его на один курс в Школе прикладных искусств. Познань расположена на западе Польши, но семья Карпинских родом из Восточной Польши, из мест, которые ранее находились под властью России. Вся семья вовлечена в борьбу за независимость; Карпинские – разорившиеся мелкопоместные дворяне, из тех, о ком в XIX веке рассказывал Мицкевич, из тех, чьи дочери, не снимая перчаток, ходили доить коров. Три сестры нанимают большую комнату в каком-то буржуазном доме и собирают там друзей, вместе с которыми собираются переделать мир. Всеобщий кумир в этой компании – сын настоящих крестьян, изучающий в университете экономику. Молодые люди с замиранием сердца слушают его рассказы о крестьянской жизни, которую он знает изнутри. А Жак никогда не забывал той старухи, которая когда-то по-

целовала ему руку: его новый друг мог быть ее сыном.

Вероятно, в этой среде на Жака обратила внимание Коммунистическая партия Польши, КПП, которая в то время была нелегальной. Убедить его было нетрудно:

– У тебя есть возможность учиться. А пролетарии с завода, который находится тут, рядом, такой возможности не имеют. Было бы справедливо, чтобы они пользовались этим правом наравне с тобой.

По совету КПП он начинает с того, что вступает в ТУР (Товарищество рабочих университетов) и с энтузиазмом читает лекции по общей культуре, истории и географии двум десяткам рабочих – кое-кто из них старше Жака, и все они до сих пор учились только читать и писать. Собираются по вечерам, после смены на заводе, в кабачке, куда его новые ученики заходят выпить пива. После занятий немного разговаривают. Жак утверждает, что многому научился у своих «студентов».

Позже почти все члены ТУР вступают в ППС – левіцу (Польскую социалистическую партию), разрешенную при режиме Пилсудского, режиме, как подчеркивает Жак, авторитарном, но не фашистском. После испытательного срока Жаку, к его радости, предложили вступить в ячейку нелегальной коммунистической партии – в этих ячейках было от трех до шести членов, не больше. Собираются они у кого-нибудь на квартире. Руководитель коротко докладывает о положении в стране и о том, как противостоять эксплуа-

тации пролетариата. Темы дискуссии так или иначе связаны с социальной несправедливостью и с лживостью капитализма и власть имущих. Первая задача, которую ставит перед Жаком партия, – вступить в организацию, находящуюся под эгидой Социалистической партии. Это образовательное объединение «Свит», предназначенное для рабочих. Чтобы привлечь новых единомышленников, активисты «Свита» ставят спектакли по произведениям Владимира Маяковского, Владислава Броневского, Станислава Станде, Витольда Вандурского и других. Актеры и зрители – рабочие, спектакли играют в кафе и залах, где происходят собрания. «У нас никогда не было денег, чтобы арендовать настоящий театр. Афиши рисовали от руки, а информацию о спектаклях передавали из уст в уста; спектакли обычно собирали не больше нескольких сотен человек. В публике попадались полицейские в штатском, которых выдавала манера держаться, но никто их не обижал». Жак с горсткой друзей были мастерами на все руки: и режиссерами, и сценографами, и хореографами, и декораторами, и даже драматургами, когда не хватало пьес.

Одну пьесу он написал на тему «никогда больше», так поразившую его в детстве. В 1927 году с окончания войны прошло уже почти десять лет, но она по-прежнему витает в воздухе, мелькает в разговорах. «Помню пьесу, в которой у нас выходили из могил все ее напрасные жертвы, павшие на полях сражений, и проклинали капитализм, по вине которого пролились реки крови. Они пересекали в танце сцену по

диагонали, слева направо и справа налево, это был почти балет. Сталкивались и выкрикивали проклятия империалистической войне... Среди этих моих трупов был один рабочий, несколько грузный, но мертвеца он играл великолепно, лучше не бывает! В нашем репертуаре мы использовали и опубликованные произведения революционных авторов, например пьесу Бруно Ясенского «Я жгу Париж»».

Цензура в их деятельность не вмешивается – или вмешивается, когда пьеса уже сыграна. Постфактум иногда в дело вступала полиция, и подчас некоторые произведения, написанные ранее или специально для «Свита» самодеятельными авторами, Жаком и другими, запрещались, а виновным приходилось расплачиваться за дерзость несколькими днями ареста – но в тюрьму не сажали. Режим Пилсудского, который Жак и его друзья в те времена именовали фашистским, даже отдаленно не напоминал то, что Жак увидит впоследствии в коммунистическом СССР. «Между прочим, этот якобы фашистский режим допускал существование депутатов – левых социалистов и депутатов оппозиции, украинцев и белорусов».

Всё это делается с одной подспудной целью: благодаря искусной пропаганде перетянуть активных социалистов на сторону нелегальной коммунистической партии. Жаку удастся привлечь двенадцать своих учеников-рабочих; их группа станет ядром ячейки коммунистической молодежи.

«Я убедил их; они были готовы стать коммунистами. А

потом каждому по отдельности предложили вступить в партию. Все они очень гордились этим, как и я, впрочем, ведь мы были уверены, что это единственный путь к установлению социальной справедливости. Партия находилась в подполье, у нас не было партийных билетов, всё держалось на честном слове. Когда готовились выборы секретаря ячейки, приходил представитель партии, делал доклад, а потом спрашивал:

– Кого вы выбираете секретарем?

Разумеется, все единогласно выбирали его самого, хотя видели в первый раз. Всё решалось заранее. И потом уже выбирали только его.

Потом мою группу разделили на три ячейки, от трех до шести человек в каждой. И каждый раз являлся некий товарищ, которого следовало выбрать. Позже в России я не раз присутствовал при таком же спектакле и понял его механизм, потому что с 1929 года мне приходилось присутствовать на этих демократических выборах, которыми так гордились советские люди. И всегда там бывал ответственный товарищ, имевший задание и начинавший с узаконенной формулы:

– Внимание, товарищи, предлагается кандидатура товарища Петрова... или Иванова.

Кем предлагается, никто никогда не знал.

– Кто за?

И оратор первый поднимал руку. Тех, кто не спешил по-

следовать его примеру, брали на заметку. Имена записывали. Позже многие партийцы мне говорили, что на допросах 1937 года им ставили в вину то, что за пять-шесть лет до того они не подняли руку на выборах секретаря ячейки».

На собраниях в ячейках обсуждают прессу, в частности «Internationale Presse-Korrespondenz», журнал, издававшийся по-немецки до прихода Гитлера к власти; там публиковались статьи коммунистов из свободной Веймарской республики. Эти публикации, написанные видными коммунистами или сочувствующими, так называемые «корреспонденции международной прессы», были чем-то вроде интеллектуальных и революционных дрожжей, на которых всходили подпольные дискуссии. Жак и его товарищи жадно просматривают статьи, обсуждают их, соглашаются с ними – им кажется, что они наконец-то читают правдивые слова. И тут же они организуют забастовки, распространяют брошюры, идут на риск. «На нелегальной работе в коммунистической партии было иначе, чем в службе международных связей. Позже мне придется скрывать свои взгляды, выдавать себя за другого, вести себя как безукоризненный буржуа, чтобы не привлекать внимания окружающих. Ну а в подпольной КПП я был рядовым активистом и пропагандировал коммунизм, рискуя головой».

И в конце концов он в самом деле попался. «Однажды ночью мы с товарищем перебрасывали листовки через ограду казармы польской армии. Это был пятнадцатый уланский

полк, состоявший большей частью из украинцев. В тот момент нас не тронули. Но это была западня, и вскоре ко мне пришли с обыском».

Листовки предназначались украинцам из Восточной Польши, служившим на западе Польши, в городе Познани. Партия считала, что возможна война между Советской Россией и империалистическими странами, в том числе и Польшей. Следовало приготовить молодежь к возможному развитию событий. Таким образом, листовки призывали молодых украинцев в случае войны с СССР обратить оружие против угнетателей – польских помещиков, фабрикантов, словом, капиталистов – и браться с советскими трудящимися, рабочими и крестьянами. Полиции в руки попало около тридцати килограммов листовок.

«Это было серьезное преступление. Призывать солдат к нарушению присяги считается тяжким преступлением в любой стране!»

Полицейские обыскали комнату Жака, нашли чистую бумагу и ротатор.

– Кто вам дал эту машину?

У него была наготове история: этот чемоданчик доверила ему девушка, случайно встреченная в парке. Что там внутри, он не знал. Незнакомка не пришла за своим чемоданчиком. Не пойман – не вор. Жак до сих пор удивляется долготерпению полиции при Пилсудском, которая его пальцем не тронула. Но ведь с него и взять было нечего. Были аре-

стованы двое других членов группы, в том числе зачинщик операции. Жак был всего-навсего последним звеном в цепочке. Большая удача для полиции, которая знает, как слаба познанская подпольная партийная организация: ведь Познань и ее окрестности – места традиционно консервативные, где ячеек не так много. «Допрашивавшим меня полицейским наверняка было известно, что я сын важной персоны. Но от товарищей я знал, что в Познани полиция вообще более корректна. В этой части Польши, прежде находившейся под властью Германии, уважали дисциплину: полиция пускала в ход силу крайне редко. Зато в восточной части, прежде принадлежавшей России, избивали почем зря».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.